

Глава 1

Я невольно поглядывала на ухоженные руки моего потенциального клиента, потому что именно с них он начал свою криминальную историю и вот уже минут пятнадцать ни о чем другом не говорил. Александр Станиславович Писаренко был хирургом, профессором, главным врачом клиники. Неужели кто-то собрался лишить его этих рук, спасших сотни, а может быть, даже тысячи жизней? Во всяком случае, другие догадки меня пока не посетили.

— Таня, понимаете, я всегда считал: самое главное — чтобы мои руки были чистыми, стерильно чистыми, — говорил мужчина лет сорока восьми—пятидесяти, отчаянно краснея и никак не решаясь перейти к сути вопроса. — Знаете, на Тарасовском телевидении решили снять небольшой документальный фильм про наше хирургическое отделение, и я даже дал согласие на съемку во время операции. Было назначено время, но съемка не состоялась. Можно сказать, по моей вине.

— Да? И что же вы такого натворили? — спросила я, теряясь в догадках.

— Ничего особенного. Просто я довел свои ногти до совершенно невыносимого состояния, и режиссер перенес съемку, попросив меня сделать к следующему разу маникюр. Признаюсь: тусклый цвет и форма ногтей меня никогда не волновали. — Писаренко посмотрел на свои пальцы с какой-то непонятной мне пока жалостью и вдруг резко сжал их в кулаки. — Таня, вы не можете представить себе, в какой тупик поставила меня просьба режиссера!

— Подождите, но ведь во время операции вы должны быть в хирургических перчатках! При чем здесь ногти? — У меня вдруг возникло ощущение, что мой потенциальный клиент шутит. — Александр Станиславович, вы меня разыгрываете?

— Отнюдь. Тюхтин, режиссер, сказал, что маникюр необходим для лучшего эстетического восприятия... Понимаете, киношники собирались снимать все — как я мою руки, обрабатываю их асептическим раствором, надеваю перчатки и так далее... Нет, сначала я не придал всему этому особого значения и попросил дочь сделать мне маникюр. По моим понятиям, она должна была немного подточить ногти пилкой и покрыть бесцветным лаком. Понимаете, я вдовец, и мне больше не к

кому было обратиться за помощью. Элла засмеяла меня и послала... к своей маникюрше. Преодолевая смущение, я записался по телефону на прием и в назначенное время отправился в салон красоты «Офелия». Девчонка на ресепшене уставилась на меня с откровенной усмешкой, а еще две размалеванные девицы с совершенно немислимыми прическами и вообще подняли меня на смех, когда услышали, что я пришел на маникюр. Таня, не сочтите меня за труса, но я ушел оттуда.

«Ясно, ты привык, что пациенты и их родственники смотрят на тебя как на бога, а тут вдруг все резко поменялось — ты стал объектом для насмешек. Сочувствую, такое не всякая психика выдержит. Только где здесь криминал?» — никак не могла понять я и, чтобы заполнить образовавшуюся паузу, сказала:

— К сожалению, даже в элитных салонах красоты культура не всегда бывает на высоте. Я это знаю по собственному опыту. Вы могли бы пойти в другой салон, а лучше было бы вызвать маникюршу на дом.

— Да, я так и собирался поступить. А когда шел домой, то вдруг увидел в окне ее... — Писаренко замолчал, заставляя меня гадать, о ком пойдет дальше речь.

Моего терпения надолго не хватило, поэтому пришлось очередным вопросом подтолкнуть хирурга к откровениям:

— Простите, Александр Станиславович, я не поняла, кого вы увидели в окне?

— Что? Разве я не сказал? Я увидел Олю. Проходил мимо самой заурядной парикмахерской и вдруг увидел, что у окна сидит и скушает симпатичная девушка, а перед ней на столике — флакончики разные с лаками. Я сразу понял, что она — маникюрша. Знаете, у этой девушки в глазах была такая тоска... В общем, я не смог пройти мимо и зашел. Там никто надо мной не насмеялся. Оля со знанием дела занялась моими руками — сделала ванночки, массаж... Я даже не представлял, сколько разных процедур делают маникюрши! Через несколько сеансов мои ногти пришли в норму. Именно так выразился режиссер, и съемка фильма состоялась. А у нас с Олей, как бы это лучше выразиться, завязался роман... Она вскоре переехала ко мне, мы прожили вместе около года, а неделю назад Ольга пропала. Таня, я хочу, чтобы вы ее нашли. Понимаете, без Олечки моя жизнь вдруг потеряла всякий смысл...

«Ну наконец-то суть дела прояснилась! Я уж думала, что какой-то маньяк угрожал хирургу членовредительством. А мне, оказывается, предстоит искать пропавшую женщину. Пожалуй, я возьмусь за это дело, все равно других предложений пока нет. Почему бы и не

помочь этому эскулапу решить его личную проблему?»

— Так, Александр Станиславович, давайте все по порядку. При каких обстоятельствах пропала Оля?

— Ушла утром на работу, но там не появилась и вообще пропала, как сквозь землю. Я искал ее по больницам и моргам, но, к счастью, в них Ольги не оказалось. В милиции мое заявление принять отказались, у них свои заморочки... Короче, мне не оставалось ничего другого, как обратиться к вам. Понимаете, Таня, дело в том, что Оля не местная, она приехала в Тарасов с Урала, сбежала от мужа.

— Это она вам сама сказала?

— Да, но не сразу. Я сделал Ольге предложение, хотел официально оформить наши отношения, но она не говорила ни «да», ни «нет». Это меня несколько удивляло. Знаете, после того как умерла Мила, женщины стали проявлять ко мне повышенный интерес — на работе от незамужних сотрудниц прохода не было. Они мне и пирожки носили, и халаты стирали, и в круиз за свой счет приглашали... Пожилую домработницу нанял, так она сразу дочек своих сватать мне начала... Это меня так утомляло!

«Да, бедняжка, сочувствую тебе, ведь ты измучен женским вниманием... Что может быть ужаснее для одинокого мужчины в са-

мом расцвете сил?!» — давилась я в душе от сардонического смеха. Хирург, надо сказать, был благодатной мишенью для сарказма, но положение обязывало соблюдать правила хорошего тона.

— Да, я вас понимаю.

— Знаете, Оля была совсем другой... Жили мы хорошо, у нее даже прежняя тоска в глазах пропала. Я предлагал ей нанять адвоката, чтобы он занялся разводом, Ольга почти согласилась и вдруг исчезла...

— Александр Станиславович, может быть, она просто уехала домой, на Урал?

— Олю бросало в дрожь от одного упоминания о малой родине, ведь там жил этот изверг.

— Вы имеете в виду ее мужа?

— Да. Он хронический алкоголик, бил ее и грозился убить. Не думаю, чтобы Оля поехала туда, тем более не предупредив меня.

— Может быть, он разыскал ее и увез силой?

— Я тоже так сначала подумал, но, поразмыслив, понял, что здесь что-то другое. Никто ведь не знал, что Ольга живет в Тарасове, поэтому ваше предположение маловероятно.

— А вы уверены, что никто не знал, где она обосновалась?

— Оля мне сказала: ни одна душа не в курсе, где она живет.

— А родители?

— У нее вроде бы никого нет...

— Знаете, Александр Станиславович, ее мог кто-нибудь случайно здесь увидеть, какой-нибудь командированный из Олиного родного города. Знаете поговорку о том, что мир тесен? Кстати, откуда она конкретно приехала?

— Не знаю, — хирург озадаченно развел руками.

— Ну хотя бы область на Урале какая — Свердловская, Магнитогорская? Может быть, Оренбургская?

О, да ты еще не забыла географию! Bravo, Таня, bravo!

— Простите, но я без понятия. Таня, а вы сможете сами это как-то выяснить или нет? — спросил Писаренко, явно усомнившись в моих деловых качествах.

— Разумеется, если вы назовете мне фамилию и отчество вашей Ольги.

— Верещагина Ольга Петровна.

Я зафиксировала эти данные в блокноте и уточнила:

— А год ее рождения вы случайно не знаете?

— Нет, я не спрашивал Олю о том, сколько ей лет. Это и неприлично, да и не хотелось делать акцент на разнице в нашем возрасте. Думаю, что ей не больше тридцати. Но вот ко-

гда у нее день рождения, я знаю, — оживился хирург. — Двадцать восьмого марта.

— Ясно. У вас есть Олина фотография?

— Нет, Ольга не любила фотографироваться, она говорила, что не фотогенична. Такое иногда бывает, вот моя первая жена, Мила, тоже плохо выходила на фотографиях.

«Да, Шурик, другого ответа я от тебя почему-то и не ожидала. Ушла от тебя Оля к более молодому и перспективному», — сыронизировала я про себя и выдала в следующую секунду вслух то, о чем подумала:

— Скажите, а она случайно пропала не вместе с паспортом и всеми своими вещами?

— Таня, если вы хотите сказать, что Ольга не просто исчезла, а бросила меня, то вы заблуждаетесь, — сурово заявил Писаренко. — Все ее вещи остались здесь, в этой квартире. Но вот паспорт... думаю, он был у нее с собой, в сумочке.

— Александр Станиславович, можно, я взгляну на ее вещи?

— Если это поможет. — Хирург встал, подошел к шкафу-купе и открыл его. — Все женские вещи принадлежат Ольге.

Я взглянула на весьма скромный гардеробчик и подумала, что им легко можно было и пожертвовать, если уходишь к какому-нибудь богатенькому мэну. В карманах Олиной одежды ничего интересного тоже не нашлось.

— Таня, поймите меня, я хорошо знаю Ольгу, поэтому не верю, что она по доброй воле могла исчезнуть из моей жизни, — словно прочитав мои мысли, сказал Писаренко. — Знаете, я совсем потерял покой, даже сам оперировать на этой неделе не стал, все время думаю о ней. Таня, найдите Ольгу! Я очень прошу вас — найдите ее! Я сердцем чувствую, что она в беде и ждет моей помощи.

— Конечно, я сегодня же приступлю к поискам, но вы должны мне еще немного помочь. Вспомните об Ольге все до мельчайших подробностей, — сказала я, усаживаясь обратно в кресло. — Для начала скажите мне, в какой парикмахерской она работала, где жила, чем увлекалась, как вообще выглядела? Вы можете сделать хотя бы словесный портрет?

Александр Станиславович не на шутку задумался, и вдруг его лицо просветлело:

— Знаете, пожалуй, я смогу сделать вам ее фотографию. Мы с Олей были в ресторане на дне рождения у моего сына, и я брал туда камеру. Конечно, я в основном снимал детей, внуков, но Ольга там, кажется, мелькала. — Писаренко подошел к компьютеру и включил его.

Я села поближе, и мы стали просматривать видеозапись.

— Вот она, но, к сожалению, стоит к нам спиной. Сейчас будет кадр... так, так, нет, не

то, — говорил Александр Станиславович, держа руку на мышке.

Несколько раз просмотрев видеозапись, мы все-таки нашли самый удачный ракурс Ольги, и Писаренко сделал стоп-кадр. Затем он распечатал на принтере несколько увеличенных копий. Правда, пропавшая сожительница хирурга была запечатлена на них вполоборота, но это было уже кое-что. Еще Александр Станиславович припомнил, что примерно месяц назад Ольга три дня подряд где-то пропадала.

— В тот день я решил встретить Олю после работы. С парковкой возникли проблемы, и мне пришлось остановиться на другой стороне улицы. Впрочем, это было как раз по ходу движения, поэтому Олечка не должна была пройти мимо. У меня сел мобильник, и я не смог ее ни о чем предупредить. Ольга вышла из парикмахерской и почему-то пошла совсем в другую сторону. Я развернулся, посигналил, но она не обернулась, а потом села в маршрутку и уехала. Стыдно признаться, но я поехал за ней. Оля вышла через три или четыре остановки, я не успел ее окликнуть, потому что она сразу юркнула в подъезд дома. Я подумал, что она пошла домой к какой-нибудь клиентке, такое иногда случалось, и стал ждать. Прошло минут десять, и меня начала одолевать неловкость из-за этой дурацкой слежки. Оля

могла подумать, что я не доверяю ей... В общем, я поехал домой. Едва зашел в квартиру, как Оля позвонила на домашний телефон и сказала то, что я, собственно, и предполагал.

— То есть она делала маникюр на дому?

— Да, так она и сказала, но, когда она вернулась домой, я заметил, что Оля несколько не в себе. Конечно, бывают не очень приятные пациенты...

— Клиенты, — поправила я. — Это у врачей пациенты, а у маникюрш — клиенты, чаще клиентки.

— Да, вы правы. Но от этого дело не меняется. На следующий день Ольга работала в первую смену, но вернулась домой поздно вечером. Сказала, что ходила по магазинам, то да се... Я почувствовал, что она от меня что-то скрывает, но промолчал. Подумал — если захочет, сама расскажет. Но Ольга только предупредила, что на следующий день снова пойдет домой к двум клиенткам, и утром, и вечером.

— Так, и что дальше?

— Ничего, три дня прошло, и все, будто ничего и не было.

— И вы больше за Ольгой не следили?

— Нет. Не знаю, зачем я вам это рассказал...

— Как знать, возможно, эта информация мне пригодится. Вы можете вспомнить, в какой дом и подъезд Ольга заходила?

— Да, я это запомнил. Это был крайний слева подъезд «сталинки», что стоит прямо на остановке «Улица Бабушкина», если ехать в сторону моста, — пояснил Писаренко.

Он снабдил меня и другими адресами, посетить которые я собиралась сегодня же. Напоследок я попросила аванс. Клиента это почему-то удивило. Он нахмурил брови и сказал:

— Знаете, Таня, я предпочитаю получать деньги по результатам работы, чтобы не сглазить. Думал, что и вы придерживаетесь такой же точки зрения...

— Не совсем, на первое время мне нужна хотя бы компенсация накладных расходов, — сказала я, однозначно решив, что без аванса работать не буду. Такие уж у меня принципы!

Именитый хирург все-таки пошел мне навстречу. Но, увы, сумма, которую я получила, не согрела мою душу. Хотелось бы увеличить ее, по крайней мере, вдвое. Может, поторговаться? Я открыла рот и вдруг представила себя в роли пациентки, которой необходима неотложная хирургическая помощь, — в тот момент, когда я корчусь от боли на кушетке в больничном коридоре, какой-то человек в белом халате, склонившись надо мной, требует аванс за предстоящую операцию. Это было как-то немилосердно и некорректно. Наверное, так же нехорошо торговаться с человеком, находящимся в состоянии крайней подавлен-

ности из-за потери любимой женщины. Во взгляде Писаренко, обращенном на меня, была такая же отчаянная надежда, с какой обычно родственники тяжелобольных взирают на докторов. А ведь он даже операции отменил!

Таня, не медли, решайся на что-нибудь! Да так да, нет так нет! В тот момент я не испытывала финансовых затруднений, поэтому не стала привередничать.

Все, Таня, успокойся, пока ты не заслужила доверие Писаренко. Вот найдешь его маникюршу, тогда и получишь полный расчет. А вообще-то, ты сама виновата, стала зачем-то намекать доктору на то, что Олечка его бросила. Скорее всего, так оно и есть, но зачем же высказывать свои догадки раньше времени? Разве так надо общаться с клиентами? Перед ними надо лебезить, ковром стелиться... Ты, Танечка, просто зазналась, все у тебя получается, все дела раскрываются. Вот и докажи этому клиенту с ухоженными руками, что ты — лучший частный детектив Тарасова.

* * *

Я села в свою «девятку» и, прежде чем двинуться с места, решила бросить гадальные двенадцатигранники, которые всегда вожу с собой. Вопрос, оформившийся в моей голове, не отличался особой оригинальностью — что мне ждать от нового расследования? Я достала

косточки из малинового бархатного мешочка и метнула их на переднюю панель машины. На верхних гранях трех двенадцатигранников выпали числа, составившие комбинацию: 16 + 26 + 12. В моей памяти всплыло ее толкование: «Начнутся хлопоты, связанные с приготовлением к путешествию. Пусть ваши планы соответствуют вашим возможностям. Только смотрите в оба, чтобы пришедшая радость не сменилась огорчением».

Ответ на мой вопрос оказался не очень-то предсказуемым. Да, было над чем призадуматься. То ли двенадцатигранники предвещали мне командировку на Урал в поисках пропавшей маникюрши, то ли поездку на курорт после окончания расследования. Хотелось бы, конечно, отправиться куда-нибудь на берег Черного или Средиземного моря, а вот в другую сторону — как-то не очень. И огорчаться тоже нежелательно. Чтобы радость не сменилась огорчением, надо работать, работать и еще раз работать.

Глава 2

Судя по скромной и уже выцветшей вывеске, парикмахерская «Елена» была самой что ни на есть заурядной. Ее интерьер также не порадовал воображение. «Не мешало бы сделать евроремонт», — отметила я про себя. Но

вот персонал был душевный. Едва я переступила через порог, как с меня сняли леопардовое манто, усадили в кресло и дали посмотреть модные журнальчики.

— Девушки, извините, но я пришла к вам не стричься.

— На маникюр, да? — разочарованно спросила администраторша, милая девочка с французской косичкой. — К сожалению, у нас сейчас нет мастера.

— А где Оля Верещагина? — с самым непринужденным видом спросила я, хотелось выслушать версию сотрудниц.

Девушка за стойкой посмотрела с испугом на парикмахершу, а та пожалала плечами и сразу же удалилась, предоставив администраторше возможность самой выпутываться из сложившейся ситуации.

— Оля уволилась, — сказала девушка и стала энергично перелистывать глянцевый журнальчик, вдаваться в подробности она явно не собиралась.

— Она действительно уволилась или просто неделю назад не вышла на работу? — осведомилась я.

Девушка не спешила отвечать на мой вопрос. Она явно была не из болтливых. Чтобы развязать ее язычок, я положила на стойку сто рублей. Администраторша никак не отреагировала на мою взятку. Я добавила еще столь-

ник. Девушка заколебалась, но едва она протянула руку к деньгам, как распахнулась дверь и в парикмахерскую вошла высокая дама в длинном кожаном пальто. Моя визави сразу же отдернула руку и вытянулась в струнку перед вновь вошедшей посетительницей.

— Здравствуйте, Елена Федоровна, — сказала она елейным голосочком.

— Здравствуй, Даша. Как дела?

— Все хорошо, — ответила администраторша, и я поняла, что высокая дама в коже не клиентка, а босс.

— Вы, девушка, к какому мастеру? — поинтересовалась у меня Елена Федоровна.

— Я, собственно, к вам пришла.

— Тогда зайдите ко мне через пять минут, — сказала хозяйка парикмахерской, даже не поинтересовавшись, по какому я вопросу.

Дарья проводила ее взглядом, а затем перевела взор на мою сумочку, которой я прикрыла деньги. Вряд ли за пять минут администраторша могла дать мне исчерпывающую информацию, тем не менее я негромко спросила:

— В каких отношениях Ольга была с Еленой? Конфликтов у них не было?

Администраторша сделала вид, что не слышит моих вопросов. Она села за стойку, сняла телефонную трубку и принялась демонстративно нажимать на кнопки. Мне стало яс-

но, что теперь она ни слова мне не скажет — боится своей работодательницы. С дисциплиной здесь все было в порядке. Я убрала деньги в сумку, затем подошла к зеркалу, поправила прическу, подкрасила губы и через отведенные мне пять минут постучала в кабинет директрисы.

— Входите! — донесся до меня властный голос Елены Федоровны. Я вошла, но, прежде чем представиться, услышала: — Ты — маникюрша? Рекомендации есть?

— Нет, я — частный детектив, — с достоинством ответила я, прошла к столу и села напротив строгой директрисы.

Нельзя сказать, что моя профессия удивила хозяйку кабинета.

— Надо полагать, вы по поводу исчезновения Верещагиной? — осведомилась она и скорчила недовольную гримасу.

— Да, это так. Меня нанял Александр Станиславович Писаренко, — сказала я, сдержанно улыбнувшись, и положила перед Еленой Федоровной свою визитку.

Она нехотя прочитала ее, небрежно откинула в сторону и заметила:

— Вряд ли я смогу вам чем-то помочь. У меня уже был разговор с Писаренко, но исчезновение Ольги поразило меня не меньше, чем его. Не понимаю, зачем он вас ко мне

прислал. Неужели Александр Станиславович считает, что я от него что-то скрыла?

— Нет, что вы! Он так не считает. Но вот у меня сразу возник к вам профессиональный интерес. Расскажите мне, пожалуйста, все, что вам известно об Ольге.

— Ничего особенного мне о Верещагиной неизвестно. У меня на данный момент двенадцать постоянных сотрудниц, а учитывая текучку кадров и учениц, которые сюда присылают разные учебные центры, за год мне приходится общаться почти с сотней девушек. Вы, — Елена взглянула на мою визитку, — Татьяна, полагаете, что я интересуюсь личной жизнью каждой из них?

— Думаю, что нет. И все-таки кое-что вы, наверное, можете мне сказать.

— Что?

— Как Ольга нашла это место? Какой она была работницей? Какие у нее были отношения с сотрудницами, с клиентками? Может быть, сами что-нибудь интересненькое вспомните?

— Интересненькое! — усмехнулась Елена Федоровна. — Ладно. Верещагина проработала у нас около двух лет. Пришла сюда по объявлению в газете. Я взяла ее с испытательным сроком, потому что у нее не было опыта работы, но клиентки были ею довольны, и клиенты тоже, — директриса явно намекала на Пи-

саренко. — Ольга была неконфликтной, отношения со всеми у нее сложились ровные. Даже гражданский брак с таким именитым человеком, как Александр Станиславович, ее не испортил. Честно говоря, я думала, что она от нас уйдет в какой-нибудь элитный салон, но она осталась. По-моему, у Верещагиной была пониженная самооценка.

— Ясно. Скажите, а трудовая книжка Ольги осталась у вас?

— Она работала не по трудовой, а по контракту, как и все мои девочки. Надеюсь, я не должна оправдываться перед вами по этому поводу?

— Разумеется, нет. Я могла бы взглянуть на этот контракт? — спросила я и, заметив неудовольствие на лице моей собеседницы, пояснила: — Мне хотелось бы уточнить кое-какие анкетные данные.

— Какие?

— Откуда Ольга родом и год ее рождения.

— Хорошо, сейчас посмотрим, — сказала директриса, открыла ключом ящик стола и вынула оттуда толстую папку-регистратор.

Я внимательно наблюдала за тем, как она ищет нужные документы. Елена Федоровна была чем-то сильно озабочена. Она хмурила тонкие брови и поджимала яркие губки. Что бы это значило?

— Ничего не понимаю! Контракт Верещагиной пропал.

— То есть как пропал?

— Сама удивляюсь. Вот договор с Петровой, вот — с Кушнир, с Чижиковой, а верещагинского нет, — растерянно пробормотала директриса и подвинула мне папку. — Можете сами поискать, если хотите.

Я начала листать контракты с самого начала, но, когда дошла до середины, около дужек обнаружила клочок от вырванного документа. Это было как раз между контрактами Чижиковой и Петровой.

— Елена Федоровна, вот, посмотрите — а договор-то кто-то вырвал! Как вы думаете, кто мог это сделать?

— Вы что, на меня намекаете?

— Это вы сами сказали. Я имела в виду совсем другое — могла ли эта папка попасть в руки постороннему человеку?

— Разумеется, нет.

— А сотрудницы имели к ней доступ?

— Хотелось бы сказать, что нет, но, возможно, были кратковременные моменты, когда в кабинете находились девочки, папка лежала на столе, а я выходила. Да, я сейчас вспомнила, что как-то ко мне заходила Верещагина, попросить отгул, а меня позвали в зал. Не могу утверждать, что Ольга тогда и воспользовалась моментом. Во всяком случае,

я ничего не заподозрила, но все может быть. Хотя кому, кроме нее, мог понадобиться этот контракт? Да и ей-то он зачем, непонятно...

— Пока сложно ответить на этот вопрос, — сказала я, но заподозрила, что сама Елена Федоровна может иметь прямое отношение не только к пропаже контракта, но и к исчезновению самой Ольги.

Не нравилась мне эта директриса, совсем не нравилась! Похоже, стерва еще та!

— Татьяна, а не кажется ли вам, что исчезновение Верещагиной не было таким уж внезапным и неожиданным? Видите, она следы за собой подчистила? — подкинула мне идейку Елена Федоровна. — Похоже, Ольга не хотела, чтобы ее нашли. Так стоит ли искать?

— Возможно, вы в чем-то правы, — сказала я и почувствовала, что хозяйка кабинета уже ждет не дождется моего ухода. Тем не менее я решила задержаться. — Только искать Верещагину мне все равно надо. Это моя работа. Если вы, Елена Федоровна, больше ничего не можете мне сказать, я хотела бы поговорить с кем-нибудь из вашего персонала. Все-таки коллеги по цеху были к ней ближе...

— Я сама со всеми разговаривала, никто ничего не знает, но если вы настаиваете, я посмотрю, кто из девочек сейчас свободен. — Директриса встала и прошла к двери. — Гуля, ты освободилась? Зайди!

Разговаривать в присутствии директрисы мне совсем не хотелось, она это поняла, но не ушла, а уселась на свое место, ехидненько улыбнувшись. Вот стервозина! Девушка зашла в кабинет и, не получив от начальницы приглашения сесть, остановилась около стола.

— Гуля, это частный детектив, она разыскивает Верещегину. Ты знаешь, куда она исчезла? — Елена Федоровна взяла на себя инициативу в разговоре.

— Нет, не знаю, — не задумываясь, ответила девушка.

Собственно, другого ответа на вопрос, заданный в такой резкой форме, ожидать не приходилось.

— Скажите, а Ольга ходила к клиенткам домой? — спросила я как можно мягче.

Гуля пугливо стрельнула глазами на начальницу, а потом сказала со вздохом:

— Случалось.

— А к ней приходил сюда кто-нибудь из знакомых, кроме Писаренко, не ради маникюра, а по какой-нибудь другой причине?

— Только сын Александра Станиславовича.

— Гуля, сядь! Что ты стоишь? — занервничала Елена Федоровна. — Расскажи нам, что здесь делал Максим Александрович и почему я до сих пор ничего об этом не знаю?

Девушка присела на ближайший к двери стул и пролепетала дрожащим голосом:

— Он требовал, чтобы Оля бросила его отца.

— И что же Верещагина? — осведомилась директриса.

— Оля сказала, что это не его дело, а когда он ушел, она расплакалась. Наверное, он ее все-таки достал, вот она и уехала домой, — осмелилась высказать свое предположение Гуля и густо покраснела.

— А где она жила до того, как приехала в Тарасов? — спросила я.

— Где-то на Урале, — сказала Гуля.

— А поконкретнее?

— Не знаю, но, кажется, не в большом городе, а в каком-то поселке.

— Сколько ей было лет?

— Не знаю. А разве... — Парикмахерша покосилась на раскрытую папку-регистратор, но, наткнувшись на строгий взгляд начальницы, осеклась. — Нет, не знаю. Она не говорила.

— Хорошо, Гуля, ты можешь идти, — сказала Елена Федоровна, и парикмахерша тут же покинула кабинет.

Я очень скоро последовала ее примеру, отягощенная новыми версиями. У меня были все основания полагать, что к внезапному исчезновению Верещагиной могла приложить руку ее работодательница. Не исключено, что она создала Ольге невыносимые условия для

работы и уничтожила ее контракт, чтобы Александр Станиславович не напал на след любимой женщины. Уж что поделаешь, таков удел свидетелей — попадать под подозрения!

Впрочем, в категорию подозреваемых теперь попала не только хозяйка парикмахерской, в ней оказался и сын моего клиента. Пожалуй, Максима Александровича Писаренко стоило поставить на первое место, потому что он был напрямую заинтересован в том, чтобы Ольга исчезла из жизни его отца. Мачехи, тем более молодые, нечасто бывают по душе взрослым детям. И это оправданно. И в данном случае, женившись, отец автоматически лишил сына определенной части наследства. Могла быть и личная неприязнь Максима к Ольге или, наоборот, приязнь...

«Но вот какой зуб Елена Федоровна имела на Верещагину? — Я мысленно вернулась к предыдущей версии и вдруг соединила две гипотезы в одну: — Вполне возможно, что она просто помогала сыну известного хирурга на возмездной основе». Это предположение требовало доказательств, но у меня их пока не было.

Из парикмахерской «Елена» я поехала в район Сенного рынка. Верещагина снимала там квартиру до того, как переехала к Писаренко. Были надежды, что квартирная хозяйка вспомнит что-нибудь полезное для следствия.

Позвонив в одиннадцатую квартиру, я сразу же услышала женский голос:

— Кто там?

— Юлия Константиновна? — уточнила я, прежде чем представиться.

Дверь приоткрылась на ширину цепочки, и маленькая седая старушка спросила заговорщическим тоном:

— Да, это я, а ты от кого?

— От Ольги Верещагиной, — полушепотом ответила я.

— Тогда проходи. Значит, ты от Олечки? Хорошая она была девочка, аккуратная, замуж вышла и съехала. Знаешь, после нее у меня одна студентка жила, та безалаберная была, но тоже замуж выскочила. Теперь у меня женщина с ребенком живет, так что сдала я уже комнату. А хочешь, я порекомендую тебя своей приятельнице? Будешь там жить одна, сама себе хозяйка, правда, там тебе жильё дороже встанет. У тебя как с деньгами?

— Нормально.

— Тогда сейчас я тебе адресок напишу.

Из уважения к почтенному возрасту предприимчивой бабули я решила сразу же объяснить, что мне на самом деле от нее надо.

— Юлия Константиновна, вы меня извините, но, честно говоря, я не нуждаюсь в